

Научная статья

УДК 355.01

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-92-102

Невидимый враг как реалия современных войн

Наталья Александровна Балаклеец

Самарский государственный технический университет
Самара, Россия

bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>

Аннотация

В настоящей статье с привлечением концептуально-методологического аппарата социального конструктивизма, перспективизма, феноменологии исследуется феномен невидимого врага, характерный для войн современности. Концепт невидимого врага эксплицируется в работах В. С. Соловьева, Л. П. Карсавина, Э. Юнгера, Ф. А. Степуна и других авторов. В статье обоснована правомерность семантического расширения данного концепта и его применения по отношению к целому ряду объектов. Раскрываются такие ипостаси невидимого врага, как жертва и источник насилия, боец и разведчик, коллективный и индивидуальный субъект. Показана взаимосвязь между традиционной идентичностью комбатанта («убивающий – убиваемый») и антропологической структурой «видящий – видимый», которая разрушается в современных войнах. Обоснована инверсия категорий «видимое» и «невидимое» применительно к военной деятельности.

Ключевые слова

невидимый враг, война, философия войны, жертва, военное насилие, идентичность бойца, комбатант, визуальные практики, воинский этиос

Для цитирования

Балаклеец Н.А. Невидимый враг как реалия современных войн // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20. № 2. С. 92–102. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-92-102

The Invisible Enemy in Modern Warfare

Natalia A. Balakleets

Samara State Technical University
Samara, Russian Federation

bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>

Abstract

The author uses the conceptual and methodological apparatus of social constructivism, perspectivism and phenomenology to discuss the phenomenon of the invisible enemy in the context of modern warfare. The concept of the invisible enemy is explicated in the works of Vladimir Solovyov, Lev Karsavin, Ernst Jünger, Fyodor Stepun and other authors. The article substantiates the legitimacy of the semantic expansion of this concept and the possibility of its application to a number of objects. It reveals such personifica-

© Балаклеец Н. А., 2022

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2022. Том 20, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2022, vol. 20, no 2

tions of the invisible enemy as a victim and a violent actor, a fighter and an intelligence officer, a collective and an individual subject. The relationship between the traditional identity of the combatant («the killing one – the one to be killed») and the anthropological structure «the seeing one – the visible one», which is being destroyed in modern wars, are also exposed. The inversion of the categories «visible» and «invisible» in the context of military activity is substantiated.

Keywords

invisible enemy, war, philosophy of war, victim, military violence, fighter's identity, combatant, visual practices, military ethos

For citation

Balakleets N. A. The Controversy with Immanuel Wallerstein: the Industrial Revolution and Globalization as the Great Turning Points of Modern Times. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 92–102. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-92-102

Война как совокупность событий, наделенных индивидуальными и социальными смыслами, представлена в коллективном опыте человечества в многообразии нарративных стратегий и визуальных практик. Война (неважно, идет ли речь о феномене войны как таковом или о конкретной военной кампании) не может быть понята и познана исходя из единственной перспективы. Амбивалентность интерпретации военных событий проявляется в возможности их различного, зачастую радикально противоположного смыслового наполнения исходя из оппозиции «своего – чужого» («друга – врага»), что демонстрирует семантическую избыточность феномена войны. Каждая из этих взаимоисключающих перспектив конституируется, в свою очередь, концептуально разнородными средствами. Так, следует разграничивать микро- и макроперспективы восприятия и описания военных событий (война может быть представлена как в микронарративах, авторами которых являются ее рядовые участники, так и в макронарративах, составляющих основу официальной историографии и военно-стратегической мысли).

Конститутивными для понимания события войны являются не только нарративные стратегии, связанные с созданием текстов, но и визуальные практики, порождающие особый код восприятия реальности и позволяющие по-новому организовать пространство войны. Одним из визуальных феноменов, определяющих индивидуальный и коллективный опыт участников военных действий, является феномен *невидимого врага*, который в существующей философской литературе подвергается спорадической и односторонней проблематизации либо представлен в имплицитном виде. В философском дискурсе отсутствуют специальные исследования, посвященные визуальным феноменам, характерным для военной деятельности.

Цель настоящей статьи – раскрыть политико-философское содержание концепта «невидимый враг», который может использоваться в качестве эффективного инструмента анализа идентичности акторов современных войн. При этом акцент делается на не метафорическом, но теоретическом понимании указанного концепта. Социально-конструктивистский подход, применяемый в настоящей работе, предполагает экспликацию перспективного, не заданного изначально, характера идентичности бойца, которая конституируется актуальными социально-политическими нарративами и визуальными практиками. Как будет показано

далее, феномен невидимого врага подлежит типологизации и раскрывается в различных ипостасях, исследование которых позволяет приблизиться к более глубокому пониманию сущности современных войн и специфики их участников.

Строго говоря, в качестве врага не может выступать полностью невидимый феномен – в войнах принимают участие люди и используются объекты военной техники, обладающие физическими свойствами и в определенных условиях (пространственная близость, отсутствие маскировки) вполне доступные чувственному восприятию. Следовательно, эта «невидимость» (так же, как и перцептивная доступность) имеет относительный, ситуативный и далеко не всегда устойчивый характер. Речь идет о создании воюющими сторонами таких условий, которые затрудняют или делают невозможным зрительное восприятие своих комбатантов и обслуживаемой ими военной техники. Свои комбатанты, визуально доступные друг для друга, должны выпасть из перцептивного поля противника, что достигается путем трансформации пространства войны с использованием новых видов оружия и достижений в сфере военных технологий.

Существующие способы проблематизации феномена невидимого врага помещают его в этическую плоскость, что предполагает обнаружение взаимосвязи между формами визуальности, порождаемыми технизированной войной, и ценностным наполнением новых визуальных реалий участниками этой войны.

Проблема участливого отношения к *видимому* врагу и его дегуманизации, обусловленной прогрессом в области военных технологий, впервые была артикулирована в русской этической мысли конца XIX века. Так, Н. О. Лосский приводит ряд свидетельств отечественных и иностранных авторов, которые подтверждают возможность гуманного отношения к неприятелю в условиях непосредственного контакта с ним во время Севастопольской кампании, Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Великой Отечественной войны [Лосский, 2011. С. 418–419]. Обосновывая возможность гуманного отношения к врагу во время войны, Лосский не связывает ее с полнотой опыта зрительного восприятия противника. Тем не менее, все приведенные автором случаи гуманизации врага основаны на его перцептивной и коммуникативной доступности. Поверженный видимый враг, не представляющий угрозы, но, напротив, требующий помощи и заботы, может стать источником нравственного чувства, которое не способно заглушить жестокие реалии войны.

Концепт *невидимого* врага становится эксплицитным элементом философского дискурса у В. С. Соловьева. Мыслитель освобождает солдат от этической ответственности за убийство на войне, полагая, что оно не вызвано злым намерением, направленным на конкретного человека, подлежащего умерщвлению: «На войне у отдельного солдата такого намерения, вообще говоря, не бывает, особенно при господствующем ныне способе боя из дальнотрельных ружей и пушек против *невидимого* за расстоянием неприятеля» [Соловьев, 2010. С. 355]. Таким образом, согласно Соловьеву, невидимый характер врага нейтрализует эмоционально предвзятое отношение к нему («злое намерение»), что лишает оснований определять смерть врага в подобных условиях как преднамеренное убийство.

На наш взгляд, концепт невидимого врага используется Соловьевым в качестве объяснительного механизма, раскрывающего причины утверждения но-

вого воинского этоса, характерного для технизированной войны. Тем не менее, Л. П. Карсавин усматривает в дискурсе В. С. Соловьева апологию убийства скрытого за расстоянием неприятеля: «Смешно нравственно оправдывать войну тем, что человек не видит, в кого он стреляет (Вл. Соловьев): он знает, что стреляет он в человека» [Карсавин, 2011. С. 737].

Как военные микроисторические нарративы, выражающие опыт восприятия войны ее непосредственными участниками, так и теоретический дискурс о войне предлагают массу свидетельств того, что сражение с невидимым врагом конституирует новый этос военных противников, где нет места жалости и состраданию к неприятелю, а на смену романтическим порывам и индивидуальному героизму приходят выдержка, выносливость и «великое мужское безразличие» [Юнгер, 2000. С. 125].

Военные мемуары Э. Юнгера «В стальных грозах» изобилуют описаниями визуальных эффектов, которые порождены материальными битвами войны нового типа с широким использованием тяжелой артиллерии. Весьма показательным является признание автора, сделанное в разгар Первой мировой войны после битвы при Лез-Эпарже: «Я участвовал в крупных боевых действиях, ни разу не встретившись ни с одним противником» [Юнгер, 2000. С. 64]. Перцептивная недоступность или визуальная неполнота врага обнаруживается не только в моменты боя, но и в условиях длительного позиционного противостояния. Враг, отделенный нейтральной полосой («ничьей землей»), представлен фрагментарно, зачастую посредством военной оптики – биноклей, стереотруб, ружей с оптическим прицелом.

Невидимый враг – феномен, затрудняющий осуществление военной деятельности и оценку ее результата, а потому ситуация встречи с врагом «воочию» воспринимается героем «Стальных гроз» как «облегчение». Но, вместе с тем, столкновение с неприятелем, раненым и – даже не словом, но жестом – умоляющим о пощаде, является ситуативным срезом, который свидетельствует о возможности проявления снисхождения к видимому врагу. Гуманизация врага происходит благодаря его гипервизуализации: поверженный неприятель показывает лейтенанту Юнгеру фотографию – свой портрет в кругу многочисленных родственников, что останавливает уже готовившееся кровопролитие [Юнгер, 2000. С. 273].

Свидетельства о Первой мировой войне, представленные в работе Ф. А. Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста», так же, как и нарратив Юнгера, служат источником информации о формах визуальности, которыми пронизана военная повседневность. Перцептивная недоступность или фрагментарная явленность тела врага в ситуации окопной войны выступают в качестве «трения» (К. фон Клаузевиц), которое затрудняет военную деятельность: «Выпустил я сорок восемь снарядов, убил ли кого или нет – не знаю» [Степун, 1926. С. 73]. Невидимость объекта атаки, таким образом, приводит к бессмысленной растрате боеприпасов и увеличению жертв на войне.

Вовлеченный в боевые действия враг конструируется в качестве обезличенного объекта, лишённого человеческих свойств. Напротив, перцептивная полнота врага, достигаемая в ситуации его исключения из активных боевых действий (плен, ранение), способна пробудить сострадание и даже симпатию к нему: «Ав-

стрийцы в окопах для нас не люди, которых мы завтра можем увидеть в лицо, а некий безликий “он”. Мы их не видим, потому не знаем; не знаем – не любим. А когда видим и знаем (раненых, пленных) – то любим» [Степун, 1926. С. 59].

Показательно, что все приведенные выше рассуждения о невидимом враге исходят из его ипостаси *убиваемого* (объекта атаки), в качестве которого выступает комбатант вражеской армии. И отечественные и зарубежные авторы, которые имплицитно или эксплицитно проблематизируют данный феномен, конструируют его из перспективы атакующего бойца. При этом сам атакующий выключен из поля визуального взаимодействия, он не проблематизирует собственное тело в качестве наблюдаемого. (Исключением является Э. Юнгер, обративший внимание на симметрию визуальных практик, порождаемых технизированной войной: поскольку враг для меня предстает в качестве невидимого объекта, то и я ощущаю себя бойцом-невидимкой, который ускользает от прицельного вражеского огня [Юнгер, 2000. С. 57]. Однако, ограничиваясь констатацией симметризации визуальных эффектов войны, Юнгер не разрабатывает концепт невидимого врага по отношению к комбатантам собственной армии.) Невидимый враг в приведенных выше нарративах – это Другой, присутствие которого полагает границы моему существованию. Представая в ипостаси *убиваемого*, он провоцирует этический конфликт, заставляющий рассматривать ситуацию убийства на войне в категориях должного/недолжного, допустимого/недопустимого.

Теоретически плодотворным шагом является, на наш взгляд, семантическое расширение рассматриваемого концепта в рамках философского и социально-гуманитарного дискурса и распространение его не только на категорию *наблюдаемых* вражеских комбатантов, которые подвергаются атакам, но и на самих *наблюдающих*. Невидимый враг может выступать не только в ипостаси *убиваемого*, но и в ипостаси *убивающего*. Это не просто мишень для нанесения ударов, которое затруднено в силу перцептивной недоступности противника, но и источник непредсказуемых и опасных атак. Невидимым врагом может быть не только Другой, им могу оказаться я сам как источник насилия, пользующийся своей невидимостью как неоспоримым преимуществом. Таким образом, позиция вовлеченного в войну приводит к стремлению самому быть выключенным из поля зрения соперника.

Абсолютная перцептивная недоступность для соперника, воплощенная в таком мифологическом объекте, как шлем Аида, представляет собой недостижимую мечту любого комбатанта. Тактические преимущества, которые обусловлены невидимым характером атакующего, были воспеты еще Гомером: в Пятой песни «Илиады» «Афина // шлемом Аида покрылась, да будет незрима Арею» [Гомер, 2014. С. 119]. Афина, ставшая в Троянской войне незримой, помогает Диомеду одолеть Арея (Ареса), сражающегося на стороне троянцев. Шлем Аида, который выполняет роль шапки-невидимки и делает его обладателя неуязвимым для соперника, упоминается и в ряде других сюжетов древнегреческой мифологии. Во время гигантомахии Гермес, на голове которого был шлем-невидимка, сразил Ипполита. Укрываемый шлемом Аида Персей, руководимый Афиной и Гермесом, обезглавил одну из сестер Горгон – Медузу [Аполлодор, 1972. С. 10, 29, 132].

В основе стремления к достижению абсолютной невидимости лежит реализация миметического желания достичь полной неразличимости человека с окружающей средой. Относительная невидимость, достигаемая с помощью камуфляжа и других военных технологий («невидимая» военная техника), дает на войне бесспорные преимущества: действия немногочисленного невидимого для соперника, но хорошо вооруженного отряда могут сравниться с мощью крупного боевого подразделения; невидимый актер войны вершит насилие, оставаясь анонимным и неуязвимым для противника.

Очевидны преимущества невидимых акторов не только в применении насилия, но и в военной разведке. Эффективность анонимной власти, локализованной в ограниченном, скрытом от окружения пространственном топосе, была показана, в частности, Ф. Бэконом в работе «Новая Атлантида». Деятельность жителей острова Бенсалема, которые «хорошо осведомлены о большей части обитаемых земель» [Бэкон, 1962. С. 11], сохраняя при этом неизвестность для населения ойкумены, организована по аналогии с хорошо отлаженной военной разведкой. Члены Соломонова дома, научного учреждения жителей Новой Атлантиды, каждые двенадцать лет организуют морские путешествия в разные страны мира с целью приобретения нового знания. При этом путешественники остаются «неузнанными» для представителей населения стран, которые выступают донорами научного знания, технических изобретений и достижений в области искусств [Бэкон, 1962. С. 18–19]. Таким образом, эффективность научно-промышленного шпионажа членов Соломонова дома основана на пространственной удаленности и сокрытости Бенсалема от жителей ойкумены, а также на миметической способности посещающих другие страны матросов-разведчиков уподобляться местному населению. Невидимость путешественников понимается, безусловно, не в буквальном, физическом, значении данного термина, но как способность к стиранию различий между Я и Другим, между своими и чужими, в результате чего достигается их неузнанность. Невидимость и анонимность жителей Новой Атлантиды для удаленных от них цивилизованных народов, у которых островитяне черпают научные знания, уподобляет их трансцендентным силам, «божественным существам», «которые сами неведомы и незримы, тогда как другие для них прозрачней стекла» [Бэкон, 1962. С. 13]. Впоследствии тема невидимого центра власти, инородной по отношению к доступным зрительному восприятию подвластным феноменам, найдет воплощение в модели паноптикона, предложенной И. Бентамом и исследованной М. Фуко, а также в работах, анализирующих постпаноптические модели реализации власти. Квинтэссенцией военного постпаноптизма является «взгляд дрона», который служит эффективным средством современной военной разведки [Балаклеец, 2021. С. 122–123].

Семантическое расширение концепта невидимого врага связано не только с инверсией ментальных перспектив и его осмыслением как в ипостаси Другого как жертвы, так и в ипостаси Я как источника военного насилия. Возможен иной теоретический разворот рассматриваемого концепта, предполагающий его применение к коллективному субъекту. В данной связи значимыми являются работы К. Ясперса и З. Баумана, в которых невидимый враг приобретает черты коллективного актора и коллективной жертвы насилия.

Осмысливая угрозу атомной войны в контексте тех изменений, которым подвергаются способы организации вооруженного насилия в XX веке, Ясперс обращает внимание на радикальную трансформацию солдатства и воинского этиоса, характерную даже для тех современных войн, в которых используется конвенциональное оружие. В условиях опосредованного, дистанционного контакта с противником, отсутствия боя как квинтэссенции военной деятельности обнажается постгероический характер технизированных войн и их участников. Отказ военно-политического руководства стран Запада от активного производства конвенционального оружия в условиях разгорающейся холодной войны, согласно Ясперсу, был вызван стремлением обеспечить высокий жизненный стандарт населения. Для американского общества со времен войны в Корее был характерен отказ от идеи использования своих солдат за пределами своей территории. Возникает идея «обесчеловеченной» войны, которую должны вести не люди, а техника [Jaspers, 1958. S. 85] (и здесь Ясперс предвосхищает современные исследования постгероических обществ, для которых характерно стремление к максимальной деантропологизации способов ведения войны). Смертоносная военная машина приводится в действие одним нажатием на кнопку: «Война во все большей степени уже не сводится к бою, но представляет собой уничтожение с использованием техники» [Jaspers, 1958. S. 82]. Происходит трансформация идентичности бойца: на смену офицерам и солдатам, которые убивают врага и сами рискуют быть убитыми, приходят профессиональные техники войны.

Развивая идеи Ясперса, подчеркнем, что в войнах современности учреждается новый тип ответственности комбатанта, связанный не столько с обретением воинской доблести, сколько с достижением технического мастерства и профессионализма. Одновременно с трансформацией классической антропологической модели бойца как «убивающего – убиваемого» (см.: [Kühne, 2004. S. 45; Балаклеец, 2021. С. 117]) происходит расщепление структуры «видящий – видимый». Как убивающий, так и его жертвы могут быть невидимыми друг для друга и явленными друг другу опосредованно: атомные бомбы, унесшие десятки тысяч жизней населения Хиросимы и Нагасаки, были результатом деятельности невидимых для своих жертв врагов, которые, в свою очередь, были лишены возможности непосредственного восприятия объектов своих атак. Современным воплощением дистанционного насилия являются вооруженные действия с использованием беспилотных летательных аппаратов, операторы которых остаются невидимыми и анонимными для своих заранее намеченных жертв, представленных в качестве цифровых объектов на компьютерном мониторе.

Тем самым этическая полемика о допустимости убийства невидимого врага, представленная идеями В. С. Соловьева и Л. П. Карсавина, может быть обращена на личность невидимого солдата-убийцы. Правомерен вопрос не только об этической допустимости удара по невидимому врагу, но и об оправдании убийства человека на войне, если оно совершено невидимым актором, который пространственно удален от точки приложения насилия. Таким образом, феномен невидимого врага воплощается не только в жертвах войны, но и в незримых для этих жертв проводниках и орудиях вооруженного насилия.

Обращение к теме невидимого насилия, его агентов и жертв характерно и для работы З. Баумана «Актуальность холокоста», в которой раскрываются рациональные механизмы организации насилия в современном обществе. В качестве врага в войнах современности может выступать не только комбатант противоборствующего государства. В исследовании Баумана невидимый враг как объект, по отношению к которому применяется насилие, приобретает черты коллективной жертвы, которая конструируется с использованием механизмов бюрократической рациональности. Функциональное разделение труда, характерное для бюрократической модели управления, приводит к производству дистанций между человеческими действиями и их последствиями. Становясь винтиком в гигантской машинерии промышленного производства, человек освобождает себя от моральной ответственности за результат собственной деятельности, который является коллективным научно-техническим продуктом. Так, постановка вопроса о готовности рабочих химзаводов по производству напалма взять на себя «ответственность за сожженных младенцев» лишается смысла [Бауман, 2010. С. 125]. Актеры насилия функционируют как анонимные силы, невидимые для своих жертв и связанные с бюрократическим аппаратом.

Для характеристики симметричного противостояния комбатантов, обладающих возможностью видеть друг друга или утрачивающих таковую, уместно использование термина «враг» в его международно-правовом значении [Шмитт, 2008. С. 22–23]. В асимметричных вооруженных конфликтах современности происходит утверждение новой идентичности их акторов. С одной стороны, в противостоянии участвуют профессионалы-убийцы, с другой стороны – их беззащитные жертвы. Военно-техническая асимметрия здесь связана с конституированием визуальной асимметрии. На смену феномену невидимого врага, который, вместе с тем, может обнаружить свое присутствие и не только проблематизировать мое наличное бытие в качестве видимого, но и поставить мое существование на грань небытия, приходит феномен невидимой коллективной жертвы. Другой, подлежащий уничтожению, приобретает идентичность коллективной жертвы в случае применения технологий насилия против некомбатантов, лишенных возможности дать симметричный ответ. Речь идет о таких способах ведения военных действий, как ракетно-бомбовые удары, артиллерийские обстрелы городов, при которых гигантские потери несет гражданское население. Военные действия, которые охватывают не только наземное, но и воздушное пространство, превращают город в место массовой гибели его жителей («урбицида»).

Вместе с тем, следует обратить внимание на проблематичность достижения абсолютной невидимости (как своей, так и врага/жертвы): возникновение новых стратегий маскировки/обретения невидимости связано с появлением новых способов визуализации невидимых феноменов. Речь идет об инверсии видимого и невидимого в пространстве войны и о семантической амбивалентности указанных концептов. Симптоматично, что одновременно с утверждением феномена невидимого врага в окопах Первой мировой войны посредством авиаразведки в пространство военных действий встраивается вертикальное измерение, которое позволяет сделать невидимые феномены доступными зрительному восприятию. П. Вирильо отмечает, что в самом начале войны воздушное наблюдение

носило эпизодический характер, но позднее «речь шла даже не об изображениях, но о потоках изображений, о миллионах снимков, призванных день за днем сопровождать статистические отчеты первого в истории крупного военно-промышленного конфликта» [Вирильо, 2004. С. 89]. Фотодокументы, в том числе аэрофотография, приобрели статус полноправных исторических свидетельств о войне. Таким образом, война, рассматриваемая в перспективе визуальной культуры, может быть описана с привлечением дихотомии видимое/невидимое, границы между элементами которой носят относительный характер. В ответ на попытки (зачастую успешные) перевода визуально недоступных военных объектов в поле перцептивной доступности разрабатываются новые стратегии достижения невидимости, конституируются новые невидимые враги, которые характерны для разных сторон военного противостояния.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что его результатом является раскрытие политико-философского содержания концепта «невидимый враг», который представлен как в философском дискурсе, так и в свидетельствах военной микроистории, и может служить теоретическим средством описания идентичности акторов современных войн. Проведенный анализ показал, что феномен невидимого врага может быть сконструирован исходя из перспектив атакующего и объекта атаки. Реализация концептуально-теоретических установок социального конструктивизма позволила выявить такие ипостаси «невидимого врага», как источник и жертва насилия, боец и разведчик, коллективный и индивидуальный субъект. Трансформация амбивалентной идентичности бойца (убивающий и убиваемый одновременно), которая характерна для вооруженных конфликтов современности, связана, по мнению автора статьи, с преобразованием антропологической структуры «видящий – видимый».

Список литературы

- Аполлодор.** Мифологическая библиотека. Л.: Ленингр. отд-ние изд-ва «Наука», 1972.
- Балаклеец Н. А.** Специфика и акторы войны с использованием дронов // Общественные науки и современность. 2021. № 5. С. 116–128. DOI: 10.31857/S086904990015733-8
- Бауман З.** Актуальность Холокоста. М.: Европа, 2010.
- Бэкон Ф.** Новая Атлантида // Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 5–33.
- Вирильо П.** Машина зрения. СПб.: Наука, 2004.
- Гомер.** Илиада. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.
- Карсавин Л. П.** Человек в христианстве // Философия истории. Минск: Изд-во Белорусс. Экзархата, 2011. С. 621–766.
- Лосский Н. О.** Условия абсолютного добра. Основы этики. Минск: Изд-во Белорусс. Экзархата, 2011.
- Соловьев В. С.** Оправдание добра. Нравственная философия // Избранное. М.: Росс. полит. энцикл (РОССПЭН), 2010. С. 198–423.
- Степун Ф.** Из писем прапорщика-артиллериста. Прага: Пламя, 1926.

- Шмитт К.** Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- Юнгер Э.** В стальных грозах. СПб.: Владимир Даль, 2000.
- Jaspers K.** Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit. München: R. Piper & Co Verlag, 1958.
- Kühne Th.** Massen-Töten. Diskurse und Praktiken der kriegerischen und genozidalen Gewalt im 20. Jahrhundert // Massenhaftes Töten. Kriege und Genozide im 20. Jahrhundert. Essen: Klartext, 2004. S. 11–52.

References

- Apollodorus.** Mifologicheskaya biblioteka [The Mythological Library]. Leningrad: Leningradskoe otdelenie izd-va «Nauka», 1972. (In Russ.)
- Bacon F.** Novaya Atlantida [New Atlantis]. In: Novaya Atlantida. Opyty i nastavleniya npravstvennye i politicheskie. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962, p. 5–33. (In Russ.)
- Balagleets N. A.** Zrenie i vlast': prostranstvo za granicami panoptikona [Vision and power: the space beyond the borders of the panopticon]. *Filosofiya i kul'tura*, 2018, no 9, p. 46–58. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.9.27422 (In Russ.)
- Bauman Z.** Aktual'nost' Holokosta [Modernity and the Holocaust]. Moscow: Izd-vo «Evropa», 2010. (In Russ.)
- Homer.** Iliada [The Iliad]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. (In Russ.)
- Jaspers K.** Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit [The Atom Bomb and the Future of Man. Political Consciousness in Our Time]. München: R. Piper & Co Verlag, 1958. (In German)
- Jünger E.** V stal'nyh grozakh [Storm of Steel]. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2000. (In Russ.)
- Karsavin L. P.** Chelovek v hristianstve [The human in christianity]. In: *Filosofiya istorii*. Minsk: Izd-vo Belorusskogo Ekzarhata, 2011, p. 621–766. (In Russ.)
- Kühne Th.** Massen-Töten. Diskurse und Praktiken der kriegerischen und genozidalen Gewalt im 20. Jahrhundert [Mass killing. Discourses and practices of martial and genocidal violence in the 20th Century]. In: Massenhaftes Töten. Kriege und Genozide im 20. Jahrhundert. Essen: Klartext, 2004, p. 11–52. (In German)
- Losskij N. O.** Usloviya absolyutnogo dobra. Osnovy etiki [The conditions of absolute good. The fundamentals of ethics]. Minsk: Izd-vo Belorusskogo Ekzarhata, 2011. (In Russ.)
- Schmitt C.** Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum [The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum]. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2008. (In Russ.)
- Solovyov V. S.** Opravdanie dobra. Npravstvennaya filosofiya [The Justification of the Good: An Essay on Moral Philosophy]. In: *Izbrannoe*. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010, p. 198–423. (In Russ.)
- Stepun F.** Iz pisem praporshchika-artillerista [Letters of an Artillery Ensign]. Praga: Plamya, 1926. (In Russ.)
- Virilio P.** Mashina zreniya [The vision machine]. Saint Petersburg: Nauka, 2004. (In Russ.)

Информация об авторе**Наталья Александровна Балаклеец**

Кандидат философских наук, доцент
Доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет (ул. Молодогвардейская, д. 244, Самара, 443100, Россия)

Information about the Author**Natalia A. Balakleets**

Candidate of Sciences (Philosophy), Docent
Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University (244, Molodogvardeyskaya st., Samara, 443100, Russia)

*Статья поступила в редколлегию 06.06.2022;
одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 04.07.2022
The article was submitted 06.06.2022;
approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 04.07.2022*